

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*Ю.В. АРУТЮНЯН***Армяне-россияне:
опыт социально-культурной
адаптации**

Вторая половина XX–первое десятилетие XXI столетия – эпоха интенсивных и массовых миграций, превращающих традиционно гомогенные в этническом плане страны и регионы в гетерогенные, многокультурные. Процесс адаптации этносов-меньшинств, диаспорных групп, эмигрантских общностей и т.п., приобретая непрерывный характер, становится по существу фоновым социальным фактором. А проблемы, возникающие на линии этнокультурного взаимодействия, переходят в категорию перманентно актуальных.

В подобном контексте этносоциологическое изучение армянской диаспоры значимо не только для понимания ее собственных судеб. Рассеянный по всему миру армянский народ, не менее половины которого живет за пределами Армении в странах Европы, Азии и Америки, при своем культурном потенциале и социально-историческом опыте адаптации к различным средам открывает широкие возможности для осмысления современных многообразных этносоциальных трансформаций. Армянская диаспора демонстрирует модернизационный и адаптационный потенциал, активно реализуемый в разных типологических условиях, и одновременно этническую устойчивость в разнообразных социально-культурных пространствах. За пределами армянского этнического ядра путем активизации армянской диаспоры формируется особый “сетевой потенциал” этноса. Диаспора призвана расширить его культурный диапазон, оптимизировать процессы его модернизации, активно осваивая ресурсы иноэтнической среды [Погосян, 2004, с. 454].

Анализ же процессов этносоциального развития армян в достаточно контрастных специфических условиях России представляет особый интерес хотя бы потому, что здесь их сейчас проживает намного больше, чем в любой другой стране за пределами Армении. За период между переписями 1989 и 2002 гг. армянское население в РФ более чем удвоилось, достигнув численности 1 млн 130 тыс. человек. А если добавить к ним армян, проживающих в России временно, то общее их количество превысит 2 млн человек. Это – практически две трети населения самой Армении¹.

При всей значимости таких количественных показателей большую важность имеют индикаторы качественные, глубинные, связанные с органической многопоколенной

¹ Информация Генерального консула Армении в Южном Федеральном округе РФ А. Гацян (10 октября 2008 г.).

общностью армян “у себя” в Армении и России. Исторические судьбы представителей армянского народа в обеих странах были тесным образом сопряжены и во времени, и в пространстве. Ведь на протяжении многих поколений армяне и русские жили в одном государстве в значительной мере общей жизнью. Вследствие этого нынешние границы их расселения, образовавшиеся после распада СССР, восходя к упомянутой общности, в известной мере подвижны, условны, пунктирны. Исследования особенностей и закономерностей социально-культурной адаптации армян в постсоветской России дает хорошую возможность оценивать потенциал живучести этноса-меньшинства в иноэтническом окружении и определять характер происходящих с ним аккультурационных и модернизационных изменений.

Рассмотрим теперь в общих чертах модель интегрирования армян в относительно благоприятную для них социальную среду России – страну, куда многие из них активно устремлялись после землетрясений, войны и других бедствий, постигших Армению на рубеже XX–XXI вв. Начнем с демографии. Хотя в наше время “капельные” вкрапления армян существуют в России повсеместно – от Калининграда до Приамурья, большая их часть (68%) сосредоточилась практически в двух основных европейских регионах страны: в Центральном Федеральном округе – Москва и Московская область – около 15%, и особенно в краях, областях Южного Федерального округа – почти 54% (см. табл. 1).

Самый стремительный рост армянского населения между переписями 1989 и 2002 гг. произошел в Москве, где его численность выросла не в два, как по РФ в целом, а в три раза – с 44 тыс. человек до 124 тыс. человек. В столице как бы происходила селекция социально активной части этноса. Столичные армяне отличаются высоким социальным статусом и уровнем образования. Они выделяются не только среди своих соотечественников в других местах России, но и среди русских. Соответственно распределяются и социальные позиции. До половины из них принадлежат к числу специалистов, руководителей, предпринимателей и, соответственно, почти столько же (больше 40%) имеют высшее образование, что опережает пропорции этих групп среди русских. В других городах России, например в Краснодаре, образованных и мобильных групп – специалистов, руководителей, предпринимателей – было намного меньше, чем в столице. Но и здесь армяне по сравнению с доминирующим русским населением в группах квалифицированного труда были представлены в достаточно весомых пропорциях (см. табл. 2).

Тут хотелось бы еще раз подчеркнуть, что речь идет об армянах-россиянах (гражданах РФ и “старожилах”) – людях, уже утвердившихся, можно даже сказать, укоренившихся в России. Ситуация с армянами, временно проживающими в РФ, иная, и она требует отдельного исследования. Вкратце лишь отмечу, что индикаторы, характеризующие их социальный статус, значительно отличаются по сравнению с показателями старожилов. Достаточно сказать, что в столице, например, более половины таких приезжих занимались физическим трудом, делом куда менее привычным и характерным для армян, имеющих российское гражданство. Временно проживающие армяне в большинстве своем с известными сложностями приобщались к российской среде и были склонны к реиммиграции [Арутюнян, 2001, с. 13–21]. Начиная с 2005 г. они стали все чаще возвращаться на родину.

Однако обратимся вновь к армянам-россиянам. Хотя СМИ приводят немало соответствующих фактов, говорить в целом об ущемленности этой группы в нашей стране не приходится, даже если брать ситуацию в Краснодарском крае, где межнациональные отношения еще недавно были сравнительно напряженными. Практически повсеместно в РФ по основным и определяющим социально-культурным параметрам армяне-россияне находятся примерно на одном уровне с русскими.

Социальная активность, мобильность армян-россиян связана с рядом обстоятельств. Не последнюю роль играет тот факт, что в Россию, особенно в столицу, устремлялись достаточно конкурентоспособные представители армян, нередко опережающие по уровню образования не только своих соотечественников в Армении, но и

Расселение армян по регионам РФ

Регионы	Численность (тыс. чел.)	Доля:	
		к общему числу армян России (%)	к населению данного региона (%)
Центральный ФО, в том числе:	249,2	21,88	0,53
Москва	124,4	10,92	1,19
Московская область	39,7	3,48	0,60
Северо-Западный ФО, в том числе:	46,3	4,06	0,33
Санкт-Петербург	19,2	1,68	0,41
Южный ФО, в том числе:	615,1	53,99	2,69
Республика Адыгея	15,3	1,34	3,41
Республика Северная Осетия–Алания	17,2	1,51	2,41
Краснодарский край	274,6	24,1	5,36
Ставропольский край	149,3	13,1	5,46
Волгоградская область	28,0	2,36	1,0
Ростовская область	110,0	9,66	2,50
Приволжский ФО, в том числе:	105,1	9,23	0,34
Оренбургская область	10,6	0,93	0,49
Самарская область	21,6	1,89	0,67
Саратовская обл.	25,0	2,19	0,94
Уральский ФО, в том числе:	44,6	0,04	0,31
Свердловская область	11,1	0,97	0,25
Тюменская область	14,8	1,30	0,45
Челябинская область	8,6	0,76	0,24
Сибирский ФО, в том числе:	60,9	5,34	0,30
Алтайский край	8,1	0,71	0,31
Красноярский край	10,8	0,95	0,36
Кемеровская область	10,1	0,89	0,35
Омская область	6,6	0,58	0,32
Дальневосточный ФО, в том числе:	12,5	1,57	0,27
Республика Саха (Якутия)	2,8	0,24	0,30
Амурская область	4,1	0,36	0,45
Приморский край	5,6	0,50	0,27

Рассчитано по [Итоги... 2004, с. 8, 25–122].

**Социально-профессиональные группы русских и армян
в Москве и Краснодаре в 2000-е гг. (в % к каждой этногруппе)²**

Национальности	Население занятое:	
	Физическим трудом	Квалифицированным умственным трудом
Москва		
Русские	32	41
Армяне	15	69
Краснодар		
Русские	32	14
Армяне	32	27

отчасти русских в России. Здесь 23,6% армян в возрасте 20 лет и старше имели высшее образование, среди русских – 22,1% [Итоги... 2004, с. 1052, 1058].

Активная включенность армян в общую российскую среду связана с трансформацией их этнического потенциала, причем между общей социальной активностью в новой среде и устойчивостью и выраженностью собственной этничности наблюдалась, в известной мере, обратная зависимость. Она явственно видна при сопоставлении индикатора длительности пребывания армян в России с иными социально-культурными маркерами (см. рис.).

Приведенный рисунок иллюстрирует достаточно тесную зависимость между длительностью пребывания армян в России – освоением ими российской среды и выраженностью в их ориентациях и поведенческих моделях “кровной” этничности. И здесь важно подчеркнуть следующее. Во-первых, выявленные значимые связи распадаются, условно говоря, на два блока: “социальный” (пункты 2–9 рис.) и “этнический” (пункты 10–14 рис.). И оба они сильно зависимы от соединяющего их признака – времени пребывания в российской, в данном случае – столичной, среде (пункт 1 рис.). Во-вторых, следует отметить, что плотность связей между выделенными мной этно-социокультурными маркерами не просто различна. Хотя характеризующие ее интенсивность коэффициенты Райского и не предусматривают знакового обозначения полярности (+ и –), но реально выделенные блоки в известной мере оппозиционны: чем явственнее связи социальные, тем слабее этнические. Иначе говоря, продолжительность пребывания группы в полиэтнической среде работает на интеграционный процесс: чем сильнее и интенсивнее была ее включенность в российскую социально-культурную среду, тем более ограничено проявляется наследуемая этничность (в языке, культуре, круге общения, связях с исторической родиной и т.д.).

Аналогичная корреляция “общесоциального” и собственно “этнического” еще более явственно видна в языковой сфере, а точнее, области владения “своим” языком. Языковая компетенция армян (пункт 12 рис.) находится в самой тесной зависимости от времени их пребывания в зоне естественного культурно-языкового русского доминирования (пункт 1 рис.). Если среди российских армян-новоселов (стаж проживания в России менее 10 лет) многие свободно владеют армянским языком, то старожилы, поселившиеся в нашей стране более 20 лет назад, а тем более ее уроженцы, не гово-

² В основу этой и остальных таблиц легли материалы социологических исследований в Москве и в Краснодаре (2005 и 2007 гг.). Общее число опрошенных – 1300 человек; русские и армяне представлены примерно в равных пропорциях. Подробнее о выборках и методике этих исследований см. [Арутюнян, 2007^а, с. 151–153, 162–164]. Общая методология и инструментарий подобного рода опросов изложены в [Арутюнян... 1984, с. 186, 165; Арутюнян, 1994, с. 13–20].

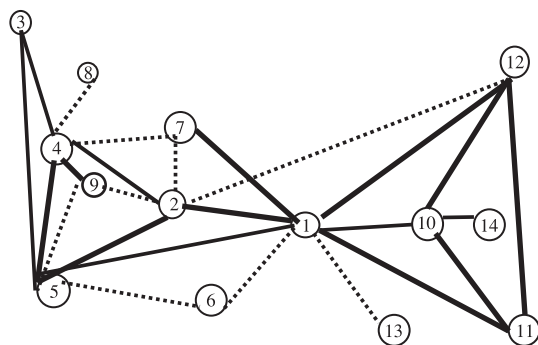

Рис. Взаимосвязь социально-культурных и этнических характеристик армян-россиян Москвы.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

А. Значимые связи в коэффициентах Райского (R)*

- R 0,03–0,04
- R 0,04–0,05
- R < 0,05

Б. Этно-социально-культурные маркеры

- 1 – длительность проживания в Москве; 2 – возраст; 3 – пол; 4 – занятия; 5 – образование;
- 6 – распределение семейных обязанностей; 7 – количество полезной площади на одного члена семьи;
- 8 – изменения в положении на работе за последние пять лет; 9 – изменения в положении на работе за последние 10 лет;
- 10 – частота посещения Армении; 11 – родной язык; 12 – знание армянского языка;
- 13 – дружеское общение с представителями “своего” этноса; 14 – место проживания взрослых детей.

* Рассчитано по формуле $R(A,B) = \frac{J(A,B)}{H(A,B)}$, где $J(A,B)$ – количество информации, содержащейся в

признаке A относительно B , а $H(A,B)$ – совместная энтропия признаков A и B (подробнее о коэффициентах Райского см. [Статистические... 1979, с. 120]; о методике их расчетов [Арутюнян, Дробижева, Кондратьев, Сусоколов, 1983]).

ря об их детях, “своего” языка в больших пропорциях не знают или почти не знают (см. табл. 3).

Перемены в культуре в данном случае отраженные таким важнейшим ее компонентом, как владение “своим” языком, органически связаны с интенсивностью других проявлений этничности в различных сферах жизни. Анализ связей этнических параметров показывает, что наиболее устойчиво и значимо в их системе оказывается то, что принято именовать национальным или этническим самосознанием – ощущением принадлежности к своей национальности.

Это преимущественно – чувство, но оно может иметь разные опосредования. В здоровом обществе при нормальной жизни национальное самосознание может быть и не выражено: люди мало фиксируют внимание на своей этничности, не особенно вдаваясь в ее глубинный смысл. Однако есть некое “сыновне-дочернее” чувство собственной национальной принадлежности, присущее от природы почти каждому, при отсутствии испытаний как бы остающееся “в себе”. Было бы правильно оценивать и именовать это первичное, скорее неосознанное, проявление самосознания **самоидентификацией** – посылкой подлинно выраженного самосознания.

Формируемое в этой связи и на этой основе действительное “полнометражное” самосознание – уже в известном смысле атрибутика социальных интересов и культуры – может иметь множественные “выходы”. В отличие от заранее заданного первичного самосознания – самоидентификации – оно во многом зависит от места, времени и конкретной ситуации. В инонациональной среде у армян, так же, как и у людей других национальностей, проявления этнического самосознания в неблагоприятной ситуации могут обостряться, а в благоприятной, напротив, ослабевать.

Знание армянского языка армянами-россиянами (в %)

Уровень владения языком	Взрослое население (менее 18 лет)	В том числе:		
		Новоселы	Старожилы	Уроженцы
Армяне-москвичи				
Владеют свободно	48	73	55	17
Не владеют	21	4	14	53
Армяне-краснодарцы				
Владеют свободно	36	46	36	18
Не владеют	15	4	7	29

Самосознание армян-москвичей

(в % ко всему взрослому населению и к каждой выделенной группе)

Интенсивность самосознания	Взрослое население (более 18 лет)	В том числе:		
		Новоселы	Старожилы	Уроженцы
Самоидентификация	91	97	90	88
Самосознание в конкретных проявлениях:				
Ратуют за фиксацию национальности в документах	58	66	57	39
Признают родным языком армянский	49	80	52	13
Считают Армению родиной	30	67	20	30
Разделяют представление о преимуществах своего народа	30	63	25	н/д
Результирующие индикаторы самосознания (приоритет выбора):				
Этническая принадлежность	28	40	31	26
Российское гражданство	40	34	47	45

Исследование столичных армян-россиян, начатое еще в 1990-е гг., четко зафиксировало эти два проявления этнического самосознания – первичное, естественное (самоидентификация) и как бы производное от него – в конкретных проявлениях в разных ситуациях и сферах жизни. Обусловленный во многом социальными факторами второй тип самосознания не имеет всеобщего характера. Его далеко не безусловная выраженность зависит от включенности (приобщенности) армян к российской среде. Поэтому особенно среди армян-россиян старожилов, и тем более уроженцев, органически включенных в российскую жизнь, “полнометражное” этническое самосознание не так активно (см. табл. 4).

По приведенным данным видно, что свою этничность – самоидентификацию ощущают почти все столичные армяне (91%). Иначе говоря, независимо от меры приобщенности к собственной этнической культуре и приоритетности выборов в системе различных социальных координат они чувствуют какую-то общность со своим народом. И это – отнюдь не сугубо российский феномен. Достаточно вспомнить имена армян, полностью интегрированных в западное культурное пространство, но с явной самоидентификацией – Ш. Азнавур, У. Сароян, М. Орлен. По мнению последнего,

Плотность этнических связей армян-москвичей и армян-краснодарцев
(в %)

Этнические связи	Москва	Краснодар
Супруги армянской национальности	44	74
Родной язык – армянский	32	62
Дети свободно говорят по-армянски	29	48
Контактируют с армянскими общественными организациями	15	25

“любой армянин в мире пишет как армянин, на каком бы языке он ни записывал свои мысли. Вы ведь говорите – семья армянских писателей, а не семья пишущих на армянском. Языковые барьеры обусловлены судьбой каждого из нас, а семейные узы уже – кровные” (“Возрожденная Армения”, 1989. № 4, с. 2).

Можно считать, что выраженность национального самосознания при всех опосредованиях и условностях органически связана с включенностью в ниву своей этносреды. Чем “плотнее” своя среда, глубже и однороднее этнические связи тем органичнее не только сохранность этнической культуры, но и выраженность национального самосознания. Эта зависимость очевидна во всех сферах жизни мигрантов, включая и межнациональные отношения. К примеру, российские армяне – выходцы из Армении, гораздо сдержаннее оценивают возможность улучшения отношений с Турцией и Азербайджаном, чем выходцы из других мест и, особенно, уроженцы России.

Причем, чем шире и разреженнее среда расселения армян, тем слабее их внутренние контакты и активнее потребность и возможность вовлечения в межэтнические интегративные процессы. Чем компактнее расселена этническая группа в городах, а тем более в селах, и теснее ее внутренние связи, тем выше уровень сохранности “этничности”. Как отметил в этой связи Т. Товегян, армяне на Северном Кавказе “ассимиляции подвержены в разной степени... В деревнях Сочинского и Туапсинского районов, где совместно проживают амшерские армяне... сопротивляемость процессам ассимиляции гораздо выше, чем в крупных городах” (“Еркрамас”, 28 декабря 2009)³.

Эта закономерность обнаруживается и при сравнении таких крупных центров, как Москва и Краснодар. У армян-краснодарцев сохранность этнической атрибутики выражена более, чем у москвичей. Они хотя и не лучше знают свой армянский язык, но чаще считают его родным, больше ориентированы на обучение детей в армянских школах, реже вступают в этнически смешанные браки и т.п. (см. табл. 5).

Таким образом, армянская диаспора в инонациональной, в данном случае российской, среде далеко не одинакова. Более того, безусловность ее этничности в устойчивом первично заданном состоянии в таком иноэтническом окружении маловероятна. Какая-то часть диаспоры, особенно люди, состоящие в национально смешанных браках, могут вообще этнически “потеряться” в поколениях потомков, другие самовоспроизводятся или трансформируются в новые полиэтнические, надэтнические образования. На направленность перемен и их динамику влияет среда и ситуация в обществе в целом.

В России она, в условиях социально-экономических и политических трансформаций, ныне усугубляемых мировым экономическим кризисом, далеко не простая. Ведь люди не избавлены от чувства социальной ревности, в той или иной мере способной приобретать этнический колорит. Не случайно в нашей стране к мигрантам “своей” и “иной” национальности (при всей условности и ситуационности использования

³Естественно, никоим образом не следует смешивать культурно-бытовую ассимиляцию с этнопсихологическими процессами, связанными с трансформацией национального самосознания (см. [Арутюнян, 1969]).

данных определений на уровне массового сознания) относятся не просто по-разному, а весьма контрастно [Арутюнян, 2007⁶, с. 21]. Здесь, конечно, есть объективные основания: “свой” приезжий как бы ближе к собственной, российской среде. “Чужой” же – носитель иных традиций, что, как минимум, “напрягает” этнонациональные отношения. Их определенное обострение в настоящее время ощущается армянами – приезжими из разных мест, весьма не одинаково. Судя по материалам, в Краснодаре для армян-россиян – мигрантов из других частей России, такие обострения почти незаметны (только 6% считают их напряженными), тогда как среди выходцев из Армении доля чувствующих напряженность на линии межэтнических контактов гораздо выше – 21%.

Но вопреки неизбежным сложностям и издержкам этнонационального взаимодействия, на определенных этапах цивилизационного развития неизбежно преобладание исторически заданных интегративных тенденций. В перспективе это предполагает формирование новых межэтнических, точнее – “надэтнических” общностей со сходными и даже единообразными чертами в культуре, образе жизни, в конечном счете – в самосознании. Армянский этнос в России во взаимодействии с другими, особенно русскими, создает, в известном смысле, производную интегративную межэтническую общность, оптимальную для своего поступательного развития. Это соответствует логике перспективной трансформации этноса в современном мире. Ведь ныне почти никто, включая горячих сторонников “обеспечения самобытного этнонационального развития каждого народа”, не отрицает неизбежность “мегауровневого... этапа формирования суперэтничности или многонационального народа” [Абдулатипов, 2005, с. 11].

Симптомы качественных результатов таких интегративных процессов характерны для ряда стран, в которых уже может идти речь о формировании собирательных надэтнических образований типа американского. Это внешне сходно с принятым у нас в прошлом надэтническим образом “советского человека”, вследствие конкретных причин не выдержавшего, однако, испытания временем. Ведь чтобы интегративные тенденции были действенны, они должны выходить за границы просто настроений или намерений правящего слоя, иметь жизненные проявления и безусловную устойчивость. Опыт армян-россиян показывает, что важной посылкой адаптации этноса в российскую среду может выступать осмысление пройденного исторического пути и сложившейся этнокультурной ситуации. И разнообразие социально-культурных сред постсоветского пространства не может умалять перспективы процессов такой направленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулатипов Р.Г. Этнополитология и этнополитика Кавказа: методика и практика // Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. Махачкала, 2005.

Арутюнян Ю.В. Армяне в Москве (по результатам сравнительного исследования) // Социологические исследования. 2001. № 4.

Арутюнян Ю.В. Конкретно-социологическое исследование национальных отношений // Вопросы философии. 1969. № 12.

Арутюнян Ю.В. Москвичи. Этносоциологическое исследование. М., 2007^a.

Арутюнян Ю.В. О симптомах межэтнической интеграции в постсоветском обществе // Социологические исследования. 2007⁶. № 7.

Арутюнян Ю.В. Россияне: столичное население. М., 1994.

Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А. Этносоциологические исследования: цели, методы и некоторые результаты. М., 1983.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2004. Т.1, кн. 1. Т. 4, кн. 2.

Погосян Г.А. Армянское общество. Ереван, 2004.

Статистические методы анализа информации в социологических исследованиях. М., 1979.